

Семья Игнатовых

Только что меня посетил Петр Карпович Игнатов, и я весь нахожусь под впечатлением этого необыкновенного человека. Он командир Краснодарского городского партизанского отряда минеров имени братьев Игнатовых.

Братья Игнатовы – это два его сына, Евгений и Геннадий. Они оба были в партизанском отряде отца и оба погибли на его глазах при взрыве немецкого поезда. Они посмертно получили звание Героев Советского Союза.

Недавно Петр Карпович приехал в Москву из родного Краснодара и привез рукопись своей книги «Записки партизана», которая скоро выйдет в свет.

Он сидит передо мной, этот крепкий и очень подвижной, молодежавый пожилой человек с быстрыми и точными движениями и глазами следопыта. Он очень похож на дореволюционного питерского рабочего, каким и был в действительности. Это русский самоучка, механик, человек самобытного таланта.

Он одет в полувоенное. На груди орден Ленина и партизанская медаль.

Вот что он рассказывает:

– Мой отряд почти целиком состоял из представителей кубанской казачьей городской интеллигенции. В него входили директора высших учебных заведений и крупных промышленных предприятий Краснодара, научные работники, инженеры, экономисты, высококвалифицированные рабочие. Многие среди них были почетные кубанские казаки, черноморцы – потомки славных запорожцев-сечевиков. Отряд имел резко выраженный «производственный» профиль – мы были минерами-диверсантами. Взрывали мосты, электростанции, склады, пускали под откос немецкие поезда, жгли колонны грузовых машин вместе с охранявшими их броневиками и танками. Вот «текущий счет» отряда. Взорвано и разрушено: пятнадцать паровозов с поездами, триста девяносто два вагона с войсками и грузами, сорок один танк, сто тринадцать автомашин, свыше ста мотоциклов с прицепами, тридцать четыре моста и уничтожено свыше восьми тысяч оккупантов.

И все это в то время, когда гитлеровцы рвались к Баку и концентрировали у себя в тылу «армию вторжения» в Иран, в Индию. Вот по этому тылу и бил партизанский отряд Игнатова.

– Наш отряд, – продолжает Игнатов, – был своеобразным «партизанским комбинатом». Мы имели свои фабрики, свое большое хозяйство. Наши мастерские – минные, кузнечно-механические, столярные, сапожные, портновские – обслуживали не только наш отряд, но и наших соседей-партизан. В тылу у немцев, в горной глуши, мы открыли минно-диверсионный «университет», где проходили практику минно-диверсионной работы лучшие и храбрейшие партизаны соседних отрядов.

Я ясно представил себе эту почти майнридовскую обстановку: горные ущелья, неприступные скалы, фактория, сколоченная из бревен, деревянные форты, тайные звериные тропы и пятьдесят партизан – студентов и профессоров, изучающих здесь «на практике» минное дело.

– А теперь я расскажу вам, как погибли мои мальчики, – говорит Игнатов после длинной паузы. – Нам предстояло взорвать поезд и одновременно минировать шоссе и дорогу, идущую параллельно полотну, чтобы хоть на время, но основательно и прочно закупорить фашистам путь к Новороссийску. Мы решили рвать поезд не так, как чаще всего рвали до сих пор партизаны Украины и Белоруссии, то есть дергая за веревочку.

Нашу новую железнодорожную мину – сочетание тола и противотанковых гранат – должен был взорвать сам паровоз. И в то же время легкая автодрезина, обычно идущая в разведку перед поездом, должна пройти над миной благополучно. Весь секрет был в тяжести, передаваемой через рельсы в минный заряд. Это была наша новая, усовершенствованная мина. Надо подползти к железнодорожному полотну, отыскать вибрирующий конец рельса, финским ножом выкопать ямку и заложить в нее минный заряд. Потом надо тщательно замаскировать работу – самый внимательный обходчик не должен заметить даже отпечатка наших подошв на шпалах и полотне дороги – и отползти в сторону. И все это в темную кавказскую ночь, в те счастливые короткие минуты, которые предоставят нам зазевавшиеся фашистские часовые. Мина на полотне почти готова. Остается выдернуть последнюю шпильку у предохранителя. Но это всегда успеется. До прихода поезда еще много времени. Мы хорошо знаем немецкое расписание. Ночь тихая, теплая. Сияют звезды над головой. Неподвижно стоят тополя у дороги. Сейчас начнем минировать шоссе – и домой, в горы...

И вдруг возникает еле слышный звук. Быть может, самолет летит на ночную бомбежку? С каждой секундой шум отчетливее, яснее. С ним переплетается второй звук. Они сливаются, нарастают... Они все ближе, ближе. Поезд! Вне расписания поезд, мы не учли его. Из-за поворота, набирая ход под углом, на всех парах идет тяжелый состав. А рядом с ним по шоссе мчится броневик прикрытия. Что делать? Уходить в горы! Но в «волчьем фугасе» на полотне еще не снята шпилька у предохранителя. Шоссе свободно. Враги ворвутся на него. Они зажмут нас в клещи.

Мимо меня стремительно пробегают мои сыновья. Евгению двадцать семь лет, он уже инженер, а Геннадий совсем мальчик, он только что окончил среднюю школу. Заряжая на ходу последние мины, они бегут к шоссе, быстро минуют обе колеи и выскакивают на полотно. Паровоз уже рядом. Пламя вырывается из поддувала. Гремят буфера. Ребята бросаются к поезду. Разве можно в этой крошечной тьме найти крошечную шпильку предохранителя? Нет, они задумали другое. Они хотят бросить под поезд около мины противотанковые гранаты, чтобы от детонации взорвался «волчий фугас». Я бегу за детьми. Поздно! Одна за другой рвутся две гранаты. И тотчас со страшным грохотом взрывается мина. Сразу становится жарко и душно, как в бане. Взрывная волна как ножом срезает крону могучего клена и отбрасывает меня назад. Я вижу, как лопнул котел паровоза. Падая под уклон, вагоны лезут друг на друга, погребая под своими щепками немцев. Новый взрыв. Это летит в воздух броневик на шоссе. За ним, ярко вспыхнув фарами, рвется второй. Взрывы следуют один за другим. Теперь мины коверкают машины на боковой дороге, разбрасывая искалеченные трупы гитлеровских автоматчиков. Пылает взорванный поезд, кричат звериными голосами раненые фашисты. Я бросаюсь к железной дороге. У полотна, освещенного заревом пожара, лежат разорванные на куски мои мальчики – Евгений и Геннадий. Я беру на руки их окровавленные тела. Теплая кровь заливает мне руки. Я целую то, что осталось от моих детей. Я несу их через минированную дорогу. Потом мы молча роём финскими ножами неглубокую яму, кладем трупы моих сыновей, забрасываем землей. А над головой, срывая листья, уже жужжат немецкие пули. Вытянувшись цепочкой, глухими тропами уходим в горы. А там, далеко в горах, на нашей «фактории» ждет моя жена, мать моих ребятишек, Елена Ивановна, хирург нашего отряда. Что я скажу ей? Как все это будет?...

Петр Карпович замолкает. Его глаза полужакрыты. Страшная картина стоит перед ним. Картина гибели детей. Но он быстро приводит себя в порядок и продолжает свой рассказ...

«Какие люди! – думаю я. – Какие люди! Разве можно победить народ, воспитавший таких людей?»

1944 г.